

А. А. ФЕТ О СУДЬБАХ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ

Критическое и публицистическое наследие А. А. Фета, представляющее одну из интереснейших сторон его творчества, до сих пор еще недостаточно изучено. Наибольший интерес вызывали эстетические взгляды Фета, высказанные в статьях «О стихотворениях Ф. Тютчева» и «По поводу статуи г. Иванова на выставке Общества любителей художеств», рассматривавшиеся в контексте представлений о нем как об адепте «чистого искусства», что, однако, как показывают современные исследования, также нуждается в уточнении.¹ В последние десятилетия не раз публиковались и достаточно подробно рассматривались его очерки о сельском хозяйстве.² Между тем собственно критические и публицистические статьи Фета, не понятые, а частью и не опубликованные при жизни,³ на протяжении столетия после смерти писателя оставались на периферии внимания исследователей.

Статья Фета «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании»⁴ появляется в эпоху жарких дискуссий о возвращении препода-

---

¹ См.: Сорочан А. Ю., Строганов М. В. А. А. Фет как литературный критик // *Фет. ССUII*. Т. 3. С. 415–438.

² См., напр.: *Фет А. А.* Из деревни. Заметки о вольнонаемном труде // *Фет. ССUII*. Т. 4. С. 121–388, 474–551.

³ Не были опубликованы при жизни Фета статья о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) и «Что случилось по смерт<и> Анны Кар<ениной> в „Русск<ом> вестнике>“» (1877). Впервые они были обнародованы лишь в 1936 и 1939 гг. соответственно: *ЛН*. Т. 25–26. С. 479–544; Т. 37–38. С. 231–238. См. также: *Фет. ССUII*. Т. 3. С. 195–259, 458–482; 308–315, 493–503.

⁴ Впервые: Литературная библиотека. 1867. Т. 5. Кн. 7/8. Апрель. С. 48–69; Т. 6. Кн. 9. Май. С. 298–316. См. также: *Фет. ССUII*. Т. 3. С. 274–307.

давания классических языков в гимназии. С 1866 года, когда министром народного просвещения стал Д. А. Толстой, начинает готовиться реформа гимназического образования, которая была осуществлена 19 июня 1871 года. Ее суть заключалась в том, чтобы не допускать в университеты выпускников реальных училищ, вернуть в классические гимназии изучение древнегреческого языка и авторов и значительно увеличить число часов по древним языкам. Не только радикально-демократическая общественность, но даже и такой знаток античности, как И. С. Тургенев приняли начинающуюся реформу в штыки. Школьный классицизм воспринимался как способ отупления молодежи, отвлечения ее от нужд и проблем современности. Об этом свидетельствовали пародии Буренина, статьи М. М. Стасюлевича и др. Так, например, В. П. Буренин в «Песни о Педифиле и Педемахе» (1871) иронически ставит в один ряд «Порицание порядка, / Непочтительность к властям, / Недостаток уваженья / К греко-римским словарям. / Вредный дух демократизма...». Светлое будущее России, с точки зрения официозной пропаганды, Буренин изображает так: «...к величью / Русь пойдет на всех парах. / Нигилизма дух исчезнет / Навсегда — и россов род, / Классицизмом просвещенный, / Власть над миром обретет».⁵

Отражая мнение противников классического образования, М. М. Стасюлевич писал в послесловии к статье С. М. Соловьева: «Древняя цивилизация, выразившаяся в произведениях ее философов, поэтов, историков, оказалась бессильною, чтобы спасти свое общество <...>. Если же классическая литература, классическая философия оказались бессильными воспитательными началами даже у себя дома, на родной почве, то как понять то общеобразовательное значение, какое хотят придать классической литературе в наше время!».⁶

Как убедительно доказано Н. П. Генераловой, сама статья Фета появилась как продолжение дискуссии с И. С. Тургеневым,⁷ о взглядах которого можно судить по письму от 6 (18) сентября 1871 года: «Я вырос на классиках и жил и умру в их лагере; но я не верю ни в какую *Alleinseligmacherei* (единственную дорогу к спасению. — нем.) — даже классицизма — и потому нахожу, что новые законы у нас положительно не-

⁵ См.: Поэты «Искры»: В 2 т. Л., 1987. Т. 2. С. 332–333 (Б-ка поэта). Курсив наш. — А. У.

⁶ [Стасюлевич М. М.] <Послесловие редактора к статье С. М. Соловьева «Наблюдения над историческою жизнью народов»> // ВЕ. 1869. № 12. С. 540.

⁷ Генералова Н. П. Об адресате «Двух писем о значении древних языков в нашем воспитании» А. А. Фета // РЛ. 2006. № 1. С. 274–276.

справедливы, подавляя одно направление в пользу другого. <...> Классическое, как и реальное, образование должно быть одинаково доступно, свободно — и пользоваться *одинаковыми* правами».⁸

В этом контексте статья Фета воспринималась частью общества как манифест даже не умеренного консерватизма, а реакционности.

Однако, если обратиться к истории вопроса, преподавание древних языков в России далеко не всегда ассоциировалось с мрачной казенщиной. В первой трети XIX века в соответствии с европейскими стандартами знание античности мыслилось неотъемлемой чертой элитарного дворянского образования. В 1830-е — 1840-е годы, на которые пришлась юность Фета, преподавание латыни и древнегреческого получило еще более широкое распространение — оно было, стараниями С. С. Уварова, введено во всех гимназиях. По свидетельствам выпускников тогдашних гимназий (мы в данном случае можем ориентироваться на сборник воспоминаний «самой классической» 3-й Санкт-Петербургской гимназии⁹), несмотря на трудности обучения, даже на телесные наказания, для тех, кто прорывался к чтению классиков в подлиннике, — это был настоящий глоток свободы. Где еще в открытой печати молодежь могла прочесть, например, что следует повиноваться только тем государственным законам, которые не противоречат закону нравственному («Антигона» Софокла), или же, проходя трагедии Эсхила или «Историю» Геродота, уяснить, что демократия предпочтительнее деспотии, где все граждане — рабы одного властителя, что единоличный владыка — всего лишь человек, а потому неизбежно впадет в ошибку и погубит государство, что почетнее быть прикованным к скале, как Прометей, чем пресмыкаться перед тираном. С этими идеями подростки знакомились, не только читая авторов, но уже выполняя самые первые школьные переводы отрывков классиков.

Недаром в рамках общего наступления на гуманитарные, «вольнодумные» предметы в 1849 году, с началом «мрачного семилетия», оказалась похоронена идея С. С. Уварова о классическом образовании в гимназиях, почти всюду был исключен греческий язык (и, соответственно, авторы), резко сокращены часы преподавания латыни.

Если беспристрастно прочесть статью Фета — обращает на себя внимание широта взгляда на проблему классического образования. Почувствовав новые веяния, вдохновленный попытками властей провести

---

⁸ Тургенев. Письма. Т. 11. С. 133.

⁹ См.: Петербургская б. Третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа. За сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923.

одну из величайших в истории России реформ, Фет пишет программное публицистическое эссе, движимый именно реформаторскими идеями. Он ставит вопрос не только об изучении древних языков, но и о роли античной культуры в деле воспитания нового поколения и еще шире — о роли античного наследия в современном мире, и прежде всего — в России.

Не забудем, что классическая гимназия задумывалась как преддверие университета, в России существовало множество других форм обучения. Фет даже рисовал восходящие круги воспитания, среди которых гимназия и университет — высшие. В конце концов, по его мысли, «идеальный круг воспитания наконец почти сольется с идеальным кругом европейского всестороннего образования».¹⁰ Таким образом, в классических гимназиях должна обучаться будущая интеллектуальная элита страны — и о способах ее умственного и нравственного воспитания размышляет Фет. Примечательно, что эта идея осталась непонятой. Так, даже в статье современных исследователей говорится: «Эта позиция оказывается на поверку весьма демократична: она исходит из того, что возможности каждого человека безграничны» и, соответственно, нужно «давать классическое образование каждому человеку вне его социальной принадлежности». Позиция Фета, по мнению авторов, представляется не лишенной «некоторой степени утопичности».¹¹

В начале статьи, обрисовывая современное состояние общества, Фет противопоставляет два подхода к жизненным явлениям. Само время реформ ставит девизом «разумность, сознательность». Но повсеместно торжествует иной подход — сиюминутное, беглое, частное перекакивание с одного на другое. Девиз времени — «вперед! вперед! некогда».

Как и в статье о романе Чернышевского «Что делать?», Фет дает этому явлению название «сектаторство». Само изобретение этого хлесткого термина подтверждает мысль Фета о важности владения древними языками. Именно его виртуозное владение латынью помогло создать новый многозначный термин, возможно, напрасно забытый. Этот термин не тождественен сектантству (слово, происходящее от слов *sequor* — следовать, *secta* — путь, учение), хотя действия радикально настроенных общественных кругов, исповедующих социалистические идеи, явно ассоциируются в сознании Фета с сектантством. Слово «сектатор-

¹⁰ Фет. ССчП. Т. 3. С. 295.

¹¹ Сорочан А. Ю., Строганов М. В. А. А. Фет как литературный критик. С. 430–431.

ство» произведено от двух различных глаголов — *sector, sectatus sum, sectari* — следовать, в латыни существует производное от него — *sectator* — сопутствующий, последователь (так в Риме называли и паразитов — прихлебателей на чужих пирах). Но явственно звучит и корень от слова *seco, sectus sum* — резать, стричь, косить, оскоплять, расчленивать. Если учесть контекст, объявляющий сектаторов порождениями и воплощениями мрачного хтонического чудовища Пифона, то зловещий смысл этого термина несомненен.

Поверхностность, бойкое невежество сторонников «реального образования» — лишь симптомы более серьезной болезни. С точки зрения Фета, беда в том, что невежество вечно строит «узкую, близорукую систему»,¹² отличительные черты которой — тупость, ограниченность, неспособность к широте взгляда, склонность к догматизму и агрессивность — все то, что является антиподом духовной свободы. Кого имеет в виду Фет? Сектаторы — те, кто (корыстно или бескорыстно), руководствуясь слепой догмой, не сообразуясь с сутью жизненных явлений, пытается живую жизнь загнать в рамки своих теорий, как, например, поступают социалисты, которых в статье о романе Чернышевского Фет подверг остроумной и жесткой критике. Зловещий оттенок придает происходящему то, что сектаторы действуют не бессмысленно. Жажда упростить образование, обучать набору бессвязных умений и фактов может привести к узости, навязать несамостоятельное, рабское мышление. «Признать очевидность духовной иерархии не входит в их расчет. Долой авторитеты! кричи, что все науки равноправны! <...> А коли они равноправны <...> то чистый расчет — отстаивать самую теснейшую специальность, знакомство с которой требует наименьших трудов, наименьшей умственной гимнастики, пропади они!». ¹³ Отсюда и озлобление тех, кто выступает против образования классического.

Пифону и его порождениям Фет противопоставляет светлое, гармоничное, аполлоновское начало. В современных категориях его можно назвать *системным подходом*. Сектаторы взывают к фактам, доступным непосредственному анализу, — Фет согласен, что без анализа не существует науки, но, руководствуясь только им, невозможно дойти до последних пределов, точно так же, как, усвоив массу фактов из области точных и естественных наук, невозможно исчерпывающе ответить на вопрос, что такое рюмка.¹⁴ И если сторонники реального образования

---

¹² Фет. ССчП. Т. 3. С. 279.

¹³ Там же. С. 287.

¹⁴ Там же. С. 278–280.

предлагают анализ, то синтез выше анализа, это поэзия, постижение гармонической правды путем воссоздания. Гуманитарные, человековедческие науки — «*humaniora*» — изучают сущность, смысл явлений. Фет не отрицает важность специалистов, — но над ними, «на вершине громадной пирамиды разделенного труда» должен стоять философ-мыслитель¹⁵ — и именно так выглядит «духовная иерархия» наук.¹⁶

Так от частных вопросов Фет поднимается до осмысления всей человеческой деятельности: «Вечно расширяя кругозор и изоцряя зрение, стараться с вершины нравственной пирамиды угадать смысл „открытой тайны“, трепетно служить этому призванию и сознавать, что тайна навек останется тайной — вот безотрадная судьба *humaniora*»¹⁷ — но это и есть «высшее торжество человека».

Фет видит давние корни борьбы, так сказать, бога света Аполлона с порождением духовного мрака — Пифоном. Он сравнивает два типа культуры, два типа цивилизации. Один — основанный на книжной культуре — является, в сущности, консервативным, неподвижным, где первоначальная книга преданий — основа культуры и ее же идеал (так Фет охарактеризовал восточный и средневековый тип цивилизации — «какая-то консервативная змея, укусившая свой хвост»).¹⁸ Но существовал другой тип культуры: «Один только древний грек — этот благоуханный цветок человечества — всем гармоническим существом вынес на свет Божий атмосферу всесторонней культуры». Только греческий идеал — «убил Пифона, этого змия неподвижности и мрака».¹⁹ Только греки передали римлянам и завещали векам «открытие всестороннего образования» — Фет сравнивает его с прометеевским огнем. «И Европа ревностно блюдет завещанный ей священный огонь. Все ее музеи, академии, книгохранилища, школы, судилища, театры, цирки — не что иное, как светильники этого огня».²⁰

В чем же Фет видит всемирную заслугу греков? «Греческий красавец Геркулес навсегда расчистил Авгиевы стойла тупого, одностороннего сектаторства».²¹ Здесь Фет затрагивает весьма сложную проблему так называемого «греческого чуда» — невиданного расцвета культуры,

¹⁵ Фет. ССчП. Т. 3. С. 286.

¹⁶ Там же. С. 287.

¹⁷ Там же. С. 290.

¹⁸ Там же. С. 294.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 295.

²¹ Там же. С. 296.

основанного на соревновательном, агональном начале. Греция достигала величайших высот именно тогда, когда торжествовала широта взгляда, отсутствие предрасположенных догм, соревнование идей, свобода мысли и свобода слова — то, что ненавистно «тупому сектаторству». Именно этот идеал греки сумели передать римлянам и завещать векам. «Идеал европейского образования есть всестороннее развитие человека». ²² Под таким углом зрения гибель античности осмысливается как временное торжество Пифона: варвары, разрушившие Рим, — узкие сектаторы, приверженцы мировоззренческой узости, упрощения. Именно в таких категориях Фет размышляет о Средних веках: «Было время, когда Пифон, в образе столбовой внешней силы варваров, нагрянул на своего лучезарного врага и похоронил его под величавыми обломками его же собственного святилища. Но Феникс возродился, и духовному миру дана возможность снова согреться в лучах всестороннего образования». ²³

Однако теперь обстоятельства переменялись: современные люди — потомки варваров, а не греков. Фет до предела обостряет свою мысль. Грек — «чадо золотого века, которому не нужно трудиться, чтобы быть человеком культуры». Современный человек — «сын железного века, и без труда для него нет культуры, — и если он желает быть сопричастным единственно всесторонней культуре, то нужно прежде, чтобы Аполлон убил в нем Пифона». ²⁴ *То есть нужно убить Пифона в себе.* «Для древних Пифон был вне, в теперешнее время он с нами, он в нас самих. Стоит нам только забыть непосредственное общение с богом света — и наш родимый варварский Пифон в ту же минуту с яростью подымает тысячи черных, узких, сектаторских голов своих». ²⁵

По мнению Фета, сектаторы опасны именно лицемерием: хлопоча о насущной пользе, о реальном образовании, «Пифоны» отказываются принять интеллектуальный, нравственный багаж, накопленный античностью, то, что отличает цивилизованного человека от варвара.

В конечном итоге «Пифоны» выказывают, чем именно им так враждебна завещанная древними культура: «Они не могут ей простить благоговения перед высшими проявлениями духа: наукой и искусством», «поборники мрака» хотят низвести их до уровня будничных полезных ремесел. ²⁶

---

²² Там же. С. 295.

²³ Там же. С. 297.

²⁴ Там же. С. 296.

²⁵ Там же. С. 297.

²⁶ Там же.

Отвечая на вопрос: почему будущей элите необходимо изучать культуру античности, Фет говорит в необычайно возвышенном тоне.

Во-первых, только приобщение к великой сокровищнице древней мысли может воспитать философа-мыслителя: только он стоит на громадной вершине пирамиды человеческой деятельности. «Только он один <...> задает вопросы всему мирозданию, только он имеет на то возможность, а следовательно, и право. Только он один — всеозаряющий, просящийся к небу огонь на вершине жертвенника. Задуйте этот огонь — и все здание со всеми неисчислимыми сокровищами, накопленными веками, потонет в безразличном мраке. Погасите внутренний, верховный смысл предметов и их взаимных отношений — и вы осудите все факты на хаотическую бессмыслицу». Всеобщая и естественная история, опытные и математические науки «потеряют смысл, что равносильно небытию».²⁷

Во-вторых, изучение древней культуры — это единственный путь приобщения к европейскому пути развития, ведущему от античности через Возрождение. Фет не идеализировал Европу, еще менее он стремился на русской почве искусственно вырастить европейца, «попугая европейской культуры, принимающего на веру все ее симпатии и антипатии».²⁸ «Воспитание всякого русского, кто бы он ни был и к чему бы он себя ни предназначал, прежде всего должно быть русским», — писал он, возможно, полемизируя с Тургеневым.²⁹ Однако он прекрасно осознавал, что «идеал европейского образования есть всестороннее развитие человека. В этом — его существенное различие от всех остальных идеалов образования. <...> Факт всемогущества Европы <...> у всех перед глазами. Народу, не желающему неподвижности ледяной, духовного и вещественного рабства и, наконец, политической смерти, не остается ничего другого, как примкнуть к европейскому идеалу образования».³⁰ Фет считал, что только приобщение к классической культуре способно помочь российским интеллектуалам, а вслед за ними и другим слоям населения приобщиться к всеевропейскому, мировому культурному наследию — и это облегчит России вхождение в европейскую семью народов, позволив яснее понять, что роднит Россию и Запад. Античность — это общие корни и западной, и русской культуры, то, благодаря чему мы можем ощутить родство с Европой, оказываемся способными слышать и понимать друг друга.

²⁷ Фет. ССНП. Т. 3. С. 286.

²⁸ Там же. С. 305.

²⁹ Там же. С. 293.

³⁰ Там же. С. 295.

В-третьих, Фет, разумеется, призывал не к поголовному изучению древних языков, а к созданию умственной и нравственной аристократии. Это становилось первоочередной задачей в России, где только что были законодательно отменены сословные различия. Изучение древних языков должно было послужить великолепной гимнастикой ума (эту идею Фет вынес еще из пансиона Крюммера, считавшего, что упражнять мозг следует именно древними языками и математикой, самыми стройными, логически-четкими предметами, где можно последовательно подниматься с низшего на высший уровень; эти предметы дают не знания, а умение четко и системно мыслить). Но главное — это нравственное воспитание, выработка широты взгляда, свободы духа. Фет не раз повторял, что весь духовный строй древней Греции — возвышенный, героический. Воспитанная таким образом молодежь станет новой российской «нравственной аристократией» — но уже не по рождению, не по крови. Человек «делается сопричастным ей в силу доблестнейших проявлений духа, в силу любви, а не озлобления, в силу сосредоточенности, а не разбросанности и надломленности, в силу благодатного труда, а не завистливой праздности».³¹

Фет считал, что именно в эпоху реформ России на ее бескрайних просторах нужны не узкие специалисты: «При возникающей у нас гражданской самодеятельности какая громадная возникает потребность в людях всесторонне-европейского образования!»,³² новой элиты, владеющей не только анализом, но и синтезом, фундаментальными познаниями в гуманитарной области. Именно они будут иметь возможность совершать в сложной пореформенной обстановке в России осмысленный и этически верный выбор.

Идеи Фета, к сожалению, не были воплощены в жизнь. После реформ 1871 года не художественные особенности великих античных произведений и не их проблематика были поставлены во главу угла. Программа делала основной упор на каторжное, унылое, начетническое изучение грамматики и ее тонкостей (заметим, в противовес прежней, уваровской концепции). Уроки заполнялись не осмысленным чтением и комментированием древних авторов, а дружно ненавидимыми «*extemporalia*» — устными переводами с русского на латынь и греческий.

Этому осталось множество свидетельств. Вот как воспринимал школьную античность ученик классической гимназии Д. С. Мережковский (поэма «Старинные октавы»):

---

³¹ Там же. С. 301.

³² Там же. С. 307.

От слез дрожал неверный голосок
Когда твердил я: *lupus... conspicavit...*
*In grege pascebatur...*³³ и не мог
Припомнить дальше; единицу ставит
Мне золотушный немец-педагог.
Томительная скука сердце давит <...>

Читал Платона Бюрик — не педант,
Напротив, весельчак, но злейший в мире,
Весь белый, бритый, выхолненный франт,
В обрызганном духами вицмундире;
К жестоким шуткам он имел талант.
Того, кто знал урок, оставив в мире,
Он робкого лентяя выбирал
И долго с ним как с мышью кот играл.³⁴

Конечно, и этот способ обучения не прошел даром — всплеск поэзии Серебряного века, ее интерес к античности объясняются не в последнюю очередь насильственным классическим образованием.

Но, как бы то ни было, главная мысль статьи Фета остается непонятой, хотя и спустя столетие, на рубеже XX–XXI веков, в свете продолжающихся реформ школьного образования ее актуальность не уменьшается. Фет первый в истории отечественной педагогики четко заявил: знание фундаментальных для европейской культуры древних языков и литературы не может способствовать немедленному успеху в конкретном виде деятельности и в целом не несет в себе узко-практической, сиюминутной выгоды. Но человек, получивший целостное гуманитарное образование, изучающий древние языки и способный без посредников погрузиться в мир античной культуры, проявляет больше устойчивости в сложных, кризисных обстоятельствах, способен на независимость суждений, «в большинстве случаев неуязвим со стороны известных лжеучений»,³⁵ меньше поддается оболваниванию и провокациям, способен противостоять стадным инстинктам, и в конечном итоге ему становится доступна та духовная свобода, без которой человек не может состояться как личность.

---

³³ волк... увидел... / Пасущихся на горе... (*лат.*).

³⁴ Мережковский Д. С. Собрание стихотворений. СПб., 2000. С. 496, 517.

³⁵ Фет. ССчП. Т. 3. С. 301.